

**Издательский проект
Института
«Русская перспектива»**

t8

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

ГЛАЗАМИ
СОВРЕМЕННИКОВ
И ПОТОМКОВ
(IX-XI ВВ.)

Курс лекций

2015

УДК 373.167.1

ББК 63.3(2)

Д18

Р е ц е н з е н т ы :

докт. истор. наук, гл. научн. сотр. Института славяноведения

и балканистики РАН *Б. Н. Флоря,*

докт. истор. наук, вед. научн. сотр. ИНИОН РАН

А. Л. Ястребицкая

Данилевский И. Н.

Д18

Древняя Русь глазами современников и потомков. IX–XI века:
курс лекций / И.Н. Данилевский — Подготовка макета Москва:
Т8, 2014. — 552 с. — («Русская перспектива»)

ISBN 978-5-519-03221-6

Пособие дает представление о современном состоянии отечественной и зарубежной науки и изучении раннего периода истории России (до XII в.). Базируется на критическом переосмыслении источниковой базы, используемой для исторических построений. Включает развернутый анализ потенциальных возможностей и накопленного к настоящему времени опыта изучения русской истории разными школами гуманитарного знания.

УДК 373.167.1

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-519-03221-6

© И.Н. Данилевский

ВВОДНАЯ ЛЕКЦИЯ

Данный курс лекций по истории Древней Руси несколько необычен. В нем нет последовательного изложения *событий*, которые были связаны с зарождением и развитием государственности в землях, занятых восточными славянами. Можно было бы, конечно, начать с обстоятельного изложения всей фактической стороны исторического процесса. Но, во-первых, это уже сделано. И следует признать, на достаточно высоком уровне. Во-вторых, этого все равно невозможно достичь при заданном объеме курса лекций. Да, и надо ли? Зачем еще раз повторять то, что в принципе можно найти в любом солидном обзоре? Причем небольшая работа, посвященная тому или иному отдельному событию или даже той или иной его детали, все равно окажется полнее и конкретнее любой обобщающей работы. Моя цель гораздо скромнее: попытаться выявить и показать основные тенденции в развитии русских земель, понять — насколько это возможно для современного человека и насколько это в моих силах — *смысл* происходившего. Естественно, многое из того, что читатель сможет найти в этой книге, имеет субъективный характер, отражает авторский взгляд на историю Руси. Но на то и существует такой жанр, как курс лекций. Он призван дополнить, а не заменить учебник, в котором должны быть отражены общепринятые точки зрения.

Одна из основных проблем, стоявших перед автором, — попытаться не столько ответить на вопросы, *что* (конкретно

происходило), сколько разобратся в том, *как и почему* (это происходило), когда «объективные» законы и закономерности исторического процесса уступают место субъективным механизмам происходящего. Современная историографическая ситуация — не только в России, но и в мире — характеризуется чертами, которые позволяют оценить ее как кризисную. В частности, это связано с разочарованием в еще недавно господствовавших концепциях научного исторического познания, со все более четко оформляющимся представлением о принципиальной невозможности разработки универсальной теории, объясняющей все стороны общественной жизни. В нашей стране ситуация усугубляется тем, что на протяжении нескольких десятилетий история (прежде всего самой России) разрабатывалась в рамках единственной теории, объявленной научной. Прочие методологические подходы серьезно не изучались и были известны подавляющему большинству исследователей лишь в крайне тенденциозном изложении. Отказ от марксизма как единственно научной парадигмы заставил российских историков срочно искать паллиатив, способный хотя бы в какой-то мере компенсировать эту тяжелейшую теоретическую, методологическую и методическую утрату. Результатом такой ситуации стало обращение отечественных ученых к разнообразным теоретическим и квазитеоретическим концепциям, создававшимся, как правило, на фактической базе западноевропейской истории.

Сказанное в полной мере можно отнести к очень популярному ныне направлению, получившему название антропологически ориентированной истории. Речь идет не столько об изучении событий как таковых (с внешней точки зрения), сколько об осознании механизмов редукции экономических, социальных, политических факторов (которые, несомненно, *в конечном счете* весьма существенны) в реальные поступки отдельных людей и целых социальных групп. Введение такого подхода в преподавание курса отечественной истории как

будто не вызывает сомнения. Однако остается ряд проблем, без решения которых его реализация вызывает серьезные практические сложности.

Наряду с субъективной проблемой освоения новых теоретических парадигм и освещения истории нашей страны существуют объективные причины, осложняющие изучение, а следовательно, и изложение отечественной истории с антропологической точки зрения. Речь идет прежде всего об особенностях источниковой базы изучения русской истории.

Никто специально не анализировал условия и требования, соблюдение которых позволит достаточно корректно использовать этот теоретический подход при работе с древнерусским, российским и советским материалом. Между тем работа с источниковой базой по русской истории имеет явно выраженную специфику.

С одной стороны, по мнению специалистов, от домонгольской Руси до нас дошло не более нескольких долей процента всех написанных тогда книг. Не лучше обстоит дело и с актовыми источниками. Так, за первые два столетия, от которых сохранились древнерусские документальные источники (XII–XIII вв.), мы имеем лишь 23 акта, в то время как, например, опубликованная небольшая часть архива итальянского города Лукки за период с середины XIII по середину XIV вв. насчитывает около 30 000 документов. Уже это само по себе сужает возможности изучения ценностных структур, неосознанных установок восприятия и стереотипов поведения человека древней Руси, другими словами, антропологического аспекта русской истории.

С другой стороны, на Руси не существовало богословской и схоластической традиций, поэтому большинство понятий, скрывающихся за терминами и фразеологизмами русских источников, остались невербализованными современниками. Это в свою очередь создает дополнительные трудности для аутентичного «перевода» ментальных установок древнерусского общества на метаязык современной исторической науки и их описания.

Наконец, подавляющее большинство источников по ранней русской истории сохранилось лишь в сравнительно поздних списках XV–XVII вв. Указанные обстоятельства заставляют отечественных историков, изучающих ранние этапы истории нашей родины, гораздо больше своих западных коллег уделять внимания разработке методологии и методики работы с историческими источниками.

Понимаем ли мы автора древнерусского источника?

Когда современный исследователь берет в руки древнерусский источник, перед ним неизбежно должен встать вопрос: насколько адекватно он может воспринимать текст, созданный практически тысячелетие назад?

Естественно, для того, чтобы понять любое информационное сообщение, необходимо знать язык, на котором оно передается. Но проблема не так проста, как может показаться на первый взгляд. Прежде всего нельзя быть уверенным, что лингвистам удалось зафиксировать *все* значения (с учетом временных изменений) *всех* слов, встречающихся в древнерусских источниках. Предположим, однако, что все основные значения слов выявлены и зафиксированы, а исследователь правильно выбрал из них наиболее близкие «своему» тексту. Этого еще недостаточно, чтобы считать, будто *текст понят*. Существует поистине неисчерпаемое число индивидуальных смыслов, «окружающих» найденные общепринятые значения. В таких лексико-семантических полях и формируются образы, которые пытается донести до нас автор текста.

Метафорические описания этих образов и их взаимодействий составляют собственно изучаемый текст. Проблема «лишь» в том, чтобы понять их смысл (точнее, смыслы). Поэтому историка, как правило, *не может удовлетворить буквальный*, лингвистически точный *перевод* текста сам по себе. По словам Л.В. Черепнина, он — не более чем одно из вспомога-

тельных средств для уяснения исторического смысла источника.

Без специального изучения семантики лексем (даже, на первый взгляд, знакомых исследователю), принятой в момент создания источника, толкование его текста затруднено. Дело в том, что со временем слова претерпевают в лоне языка сложные специфические изменения. Ситуация осложняется тем, что филологи-русисты традиционно обращали недостаточное внимание на анализ подобных изменений.

Перед нами — типичная герменевтическая ситуация: непонимание «темного места» в источнике (а часто таким «темным местом» может быть весь текст источника) сопрягается с кризисом доверия к прежним способам истолкования языковых фактов. *Обозначить пути*, которые позволят преодолеть эту ситуацию, истолковать текст возможно близко к смыслу, вложенному в него автором, найти слово,

«которое принадлежит самой вещи, так что сама вещь обретает голос в этом слове» [1],

— такова основная цель, которую ставит перед собой автор.

Уровни непонимания

Очевидно, в подавляющем большинстве случаев историк или литературовед исходит в своей работе из неявной предпосылки, будто психологические механизмы остаются неизменными на протяжении веков. Иногда презумпция тождества мышления летописца и исследователя высказывается открыто. Так, говоря о стимулах возникновения новых жанров древнерусской литературы, Д.С. Лихачев прямо отмечает, что их не следует связывать с особенностями мышления создателей этих жанров.

«Мне представляется, — пишет он по этому поводу, — что постановка вопроса об особом характере средневекового мышления вообще неправомерна: мышление у человека во все века было в целом тем же» [2].

Подобная точка зрения «устарела» почти на столетие. Еще в первые десятилетия XX в. психологи, этнографы и антропологи (прежде всего Л. Леви-Брюль, а также его последователи и даже часть критиков) пришли к выводу, что психологические механизмы человека исторически изменчивы. Причем их изменения не сводятся к количественному накоплению единиц мышления. Речь идет о качественном преобразовании самих мыслительных процессов. В частности, установлено, что индивидуальное мышление, так называемый *здравый смысл*, по мере развития общества постепенно освобождается от коллективных представлений, другими словами, мышление *индивидуализируется*. При этом *коллективные представления* на ранних этапах развития общества существенно отличаются от современных *идей и понятий* и не могут отождествляться с ними. Для предшествующих обществ, подчеркивал Л. Леви-Брюль, характерно совсем иное мышление:

«Оно совершенно иначе ориентировано. Его процессы протекают абсолютно иным путем. Там, где мы ищем вторичные причины, пытаемся найти устойчивые предшествующие моменты (антецеденты), первобытное мышление [3] обращает внимание исключительно на мистические причины, действие которых оно чувствует повсюду. Оно без всяких затруднений допускает, что одно и то же существо может одновременно пребывать в двух или нескольких местах. Оно подчинено закону партиципации (сопричастности), оно в этих случаях обнаруживает полное безразличие к противоречиям, которых не терпит наш разум» [4].

С современной точки зрения такое мышление не имеет логики, но ощущается вполне логичным для своего времени. К.Г. Юнг писал:

«Леви-Брюль не устает все время подчеркивать это чрезвычайное отличие „*etat prelogique*“ [5]. от нашего сознания. Ему, как человеку цивилизованному, кажется просто непостижимым, что первобытный человек совер-